

Б. В. Назмутдинов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Вклад истории понятий в критическое осмысление государства

Резюме. Статья развивает проблематику критического осмысления феномена государства. Автор осмысляет вклад немецкой истории понятий (Begriffsgeschichte) и британской conceptual history в критическое осмысление возникновения государства как понятия и социального явления в Новое время. Представители этих направлений мысли возводят появление английского State и французского État к XVII в., немецкого Staat — ко второй половине XVIII в. Российские последователи этих традиций исследуют историко-идейный контекст появления государства в XV–XVIII вв. Исследователи подчеркивают, что в Германии понятие государства формируется на два века позже, чем во Франции, однако оно сразу же становится политическим и подчиняет себе остальные значения слова, создавая теоретическую базу для развития государствоведения и публичного права, в то время как французское état и английское state в значении состояния еще долго использовались по отношению к негосударственным политическим и даже неполитическим явлениям. Важным вкладом истории понятий стал поиск идейно-социальных оснований современных государственно-правовых терминов и моделей — государственного суверенитета, гражданства, правового и социального государства, — наделяемых смыслом прежде всего в континентальной традиции. Автор продолжает исследование проблематики критического осмысления государства, начатое в статье «Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику» (Lex russica. 2020. № 6. С. 122–138).

Ключевые слова: история понятий; интеллектуальная история права; критические теории государства; правовое государство; политическая философия; понятие государства; происхождение государства; социальное государство; суверенитет; теория государства

Для цитирования: Назмутдинов Б. В. Вклад истории понятий в критическое осмысление государства. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 140–157. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.140-157

The Contribution of the History of Concepts to the Critical Understanding of the State

Bulat V. Nazmutdinov

Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper develops the problems of critical understanding of the phenomenon of the state. The author comprehends the contribution of the German history of concepts (Begriffsgeschichte) and the British Conceptual History to the critical understanding of the emergence of the state as a concept and social phenomenon in Modern times. Representatives of these lines of thought trace the appearance of the English State and the French État to the 17th century, the German Staat to the second half of the 18th century. Russian followers of these traditions explore the historical and ideological context of the emergence of the state in the 15th–

18th centuries. The researchers emphasize that in Germany the concept of the state is formed two centuries later than that in France, but it immediately becomes political and subordinates the rest of the meanings of the word, creating a theoretical basis for the development of state studies and public law, while the French *état* and English state in the meaning of the state have long been used in relation to non-state political and even non-political phenomena. An important contribution of the history of concepts was the search for the ideological and social foundations of modern state legal terms and models — state sovereignty, citizenship, legal and social state, endowed with meaning primarily in the continental tradition. The author continues the study of the problems of critical understanding of the state, which began in the article «Critical Concepts of the State and their Significance for Russian Jurisprudence: Introduction to the Problem» (*Lex russica*. 2020;6:122-138).

Keywords: history of concepts; intellectual history of law; critical theories of the state; rule of law; political philosophy; concept of the state; origin of the state; social state; sovereignty; theory of the state

Cite as: Nazmutdinov BV. The Contribution of the History of Concepts to the Critical Understanding of the State. *Lex russica*. 2024;77(3):140-157. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.140-157

Государство и право существуют в историческом измерении, поэтому история как наука играет предельно важную роль в развитии юриспруденции и политической теории. Она способствует осмыслению происхождения и эволюции основных государственно-правовых понятий. Немецкая история понятий (*Begriffsgeschichte*) и британская *conceptual history* внесли весомый вклад в историческую контекстуализацию государства, исследование его конкретно-исторических основ, выявление контекста его появления. Это особенно важно, поскольку современное догматико-апологетическое описание государства¹ нуждается в проблематизации, критической истории государства, которую можно увидеть сквозь призму истории понятий.

Догматизм в изучении государства выражается в том, что марксистская по происхождению схема изучения государства (догосударственный строй — рабовладельческое — феодальное — буржуазное государство), лишившись своего критического тезиса об отмирании классов и государственного строя, становится апологией государства, чье происхождение ищут на берегах Нила. Логическим исходом политической эволюции становится не упразднение государства и классового насилия, а укрепление

некоего неолиберального государства², легализующего классовое деление и управляющего людьми на основе принципов верховенства права и представительной демократии.

Важность критической проблематики подчеркивает современный исследователь *conceptual history* Ричард Уотмор: «Если смысл концептов, подобных “демократии”, прослеживается с античных времен и ясен современным носителям языка, то понятие “государство” настолько изменило свое значение, что лишь ученые в состоянии уловить все нюансы и проследить их трансформацию»³. Именно история понятий способна внести большой вклад в расколдование современных воззрений на государство. «Государство» не появляется на берегах великих рек за несколько тысячелетий до нашей эры, как утверждает гидравлическая теория, возраст его сравнительно невелик. Важно узнать, как появилось подобное наблюдение, какая исследовательская методология могла к нему привести.

Две основные традиции

В рамках истории понятий можно выделить две основные ветви: британскую и немецкую⁴. Ключ-

¹ См., например, такое типичное мнение: «Однажды начавшись, этот процесс объединения продолжался со всё возрастающей скоростью и привел к формированию примерно за 4 000 лет до н. э. первых в истории государств (говоря о государстве, я подразумеваю автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов)» (*Карнейро Р.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55).

² См. коллективную монографию: Что остается от государства в эпоху неолиберализма? / под ред. К. Беше-Головки, М.-Э. Бодуен, К. В. Карпенко. М., 2023.

³ Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история. М., 2023. С. 52.

⁴ История понятий в несколько иных вариациях также существует в рамках французской, российской, финской исторической науки. См.: Понятие государства в четырех языках : сборник статей / под ред.

ческое основание, объединяющее эти традиции концептуальной истории, — сфокусированность на понятиях, связи слов и явлений, тщательная работа с текстом и историко-лингвистическим контекстом. Однако подходы к тому, что есть понятие, разнятся⁵.

Британская *conceptual history* отказывается от эссенциализации понятий, подчеркивая вариативный, темпоральный, коррелятивный характер их содержания, подход немецкой истории понятий для нее слишком метафизичен. «Понятие» для британской традиции — слово, наделенное временным, контекстуальным значением, а не идея, существующая сама по себе, или же нечто, существующее как таковое в истории. Это есть лишь орудие, единица авторского высказывания, переменная в общей системе языковых координат, отражающая авторскую интенцию.

Ключевое влияние на становление британской традиции *conceptual history* оказали историки Питер Ласлетт (1915–2001) и Робин Джордж Коллингвуд (1889–1943). Благодаря тщательному изучению контекста Ласлетт установил, что знаменитая работа Роберта Фильмера «Патриархия, или Естественное право королей» написана раньше, чем предполагалось. Соответственно, с датировкой меняется контекстуальный статус работы и интенции Филь-

мера, смысл его высказывания. Нечто похожее утверждал Джон Данн, работая с ключевым трудом Джона Локка «Два трактата о правлении». Последний, по мнению Данна, был написан не как ответ на Славную революцию, а до нее — в начале 1680 гг.⁶

Британский ученый Робин Коллингвуд в «Идее истории» (опубликована в 1946 г.) подчеркивал, что для историка наиболее важно понять, какие вопросы при написании текста ставил перед собой изучаемый автор, не навязывая ему собственные⁷. Важно отметить также влияние на формирование традиции *conceptual history* теории речевых актов философа Джона Остина (1911–1960) и в целом аналитической традиции, в частности ключевого суждения Людвиг Витгенштейна (1889–1951), что значение понятия определяется его использованием. Понятие как инструмент, орудие, способ (*concept as a tool*), а не платоновская идея — именно это воззрение предложил классик *conceptual history* Квентин Скиннер (род. в 1940 г.). Следуя сходным путем, его старший современник Джон Агард Покок (1924–2023) исследовал политические языки, политические тексты в конкретной исторической ситуации⁸.

Изучение контекстов, языковых конвенций, существующих в конкретный исторический момент, интенций тех авторов, которые,

О. Хархордина. СПб. ; М., 2002 ; История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей / под ред. Х. Э. Бёдекера. М., 2010 ; *Копосов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 9–32.

⁵ «Заслуга объединения германских проектов по истории понятий с англо-американскими принадлежит М. Рихтеру. Его вышедшая в 1995 г. книга «История политических и социальных понятий. Критическое введение» положила начало рецепции и обсуждению немецких работ по истории понятий в англоязычном мире. В 1996 г. Рихтер опубликовал вместе с Хартмутом Леманом сборник докладов конференции, проходившей в Германском историческом институте в Вашингтоне, в которой приняли участие и Козеллек, и Покок. Между самими Козеллеком, Скиннером и Пококом интенсивных дискуссий не состоялось. Козеллек однозначно отверг тезис Покока, согласно которому история понятий представляет собой «вспомогательную дисциплину», и подчеркнул равноправие представляемых ими подходов: «По этой причине я не считаю, что история понятий и история дискурсов могут рассматриваться как несовместимые и противоположные друг другу. Они неизбежно зависят друг от друга. Дискурс нуждается в фундаментальных понятиях, чтобы выразить то, о чем он говорит. А анализ понятий требует владения лингвистическими и экстралингвистическими контекстами, включая те, которые создаются дискурсами»» (*Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И.* «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода : в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 27).

⁶ См.: *Уотмор Р.* Указ. соч. С. 65 ; *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 9–10.

⁷ *Коллингвуд Р.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 287–288, 338–346. См. также: *Скиннер К.* Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 55–66.

⁸ См.: *Поккок Дж. Гр. А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.

пытаясь написать текст, отвечают кому-либо из современников или классиков, — именно этот метод отстаивали сторонники *conceptual history*⁹, пытаясь понять, *что сделал автор, пытаясь написать тот или иной текст*, кому и по какому поводу он отвечал содержанием своего текста¹⁰.

Классики *conceptual history* отказываются признавать наличие вечных вопросов в истории политической мысли. История политической и правовой мысли перестает быть хрестоматийной генеалогией: от Платона, Аристотеля и Цицерона до Фомы Аквинского, Гоббса и Канта, которые якобы давали ответы на ключевые вопросы¹¹. Интеллектуальная эволюция становится сложной, многоуровневой структурой, где фигуры второго ряда заслуживают в ряде моментов (например, для прояснения причинных связей в части заимствования и развития идей) даже большего внимания, чем классики¹².

Подобный подход нашел свое отражение в трудах не только Покока и Скиннера, но и Джона Данна, Джеймса Талли и других авторов, объединенных в рамках так называемой Кембриджской школы¹³, которую интересовали прежде всего политические идеи раннего Нового времени. «Начиная с 1970-х сторонники лингвистического контекстуализма захватили главенство в интеллектуальной истории»¹⁴. Золотой век истории идей, по мнению Марка Бевира, наступил в конце 1990 гг., чья «Логика истории идей» (1999) вышла в свет под самый конец золотого века методологических разысканий¹⁵.

Подход немецкой истории понятий имеет свои особенности, укорененные в немецкой гуманитарной науке. Это направление подчеркивало связь текстов не только между собой, как это было в рамках *conceptual history*, но с социальным контекстом. На немецкую историю

⁹ Исследователи различают *конвенционализм* Кв. Скиннера и *контекстуализм* Дж. Покока, говоря также об их последователях: «...в то время как контекстуалисты стремятся поместить тексты в языковые парадигмы, понимаемые как дискурсы, составленные из других высказываний и вмещающие в себя сходные послышки, конвенционалисты сосредотачивают внимание на полемике, состоящей из других высказываний на сходные темы» (*Бивир М.* Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 116). Кажущееся сходство методов не помешало Скиннеру и Пококу прийти к разным выводам об исторических основаниях европейских политических идей. «В частности, Скиннер указывает, что Покок переоценивает значение “Политики” Аристотеля как источника ренессансных представлений о том, что означала для граждан жизнь в качестве равноправных суверенных субъектов в республике с верховенством законов. По мнению Скиннера, в истории становления гражданского гуманизма более серьезную роль сыграл Цицерон, превозносивший гражданские добродетели, республиканское гражданство, возможные при свободном правительстве. Напротив, в случае Покока Цицерон — это в большей мере моральный философ, ставивший во главу угла правосудие, наслаждение благами человеческого общества и их справедливое распределение» (*Уотмор Р.* Указ. соч. С. 100).

¹⁰ Подобный подход встречается прежде всего у Кв. Скиннера. Большинство его работ посвящены идеям XVI–XVII вв., когда количество текстов для осмысления было несравнимо меньше, чем сегодня. Можно ли применить эту методологию к современной ситуации, когда часто невозможно эмпирически проверить, кому и по какому поводу мог ответить автор, пытаясь написать тот или иной текст?

¹¹ *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 54–63.

¹² *Skinner Q.* The Ideological Context of Hobbes’s Political Thought // *The Historical Journal*. 1966. Vol. 9. No. 3. P. 286–317.

¹³ «С точки зрения [англо-венгерского историка Иштвана] Хонта, происходившее в Кембридже в 1970-х гг. может быть названо формированием “антишколы”, объединявшей самых разных по своим воззрениям ученых, разделявших скептицизм в отношении либерального, марксистского, штраусианского и постмодернистского подходов к прошлому» (*Уотмор Р.* Указ. соч. С. 123). О важном значении работ Джона Данна для Кембриджской школы, особенно в части восприятия теории речевых актов в рамках исторического исследования и использования понятия «интенция», см.: *Павлов А. В.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. 2018. № 4. С. 268–269. Последняя статья в целом важна для характеристики общего развития методологии в рамках этого направления.

¹⁴ *Уотмор Р.* Указ. соч. С. 69.

¹⁵ *Уотмор Р.* Указ. соч. С. 25.

понятий повлияла герменевтика Ганса-Георга Гадамера (1900–2002) и учение о конкретных социальных порядках Карла Шмитта (1888–1985). При этом история понятий фиксировала своеобразный разрыв с немецкой традицией политической истории XIX в., фокусировавшейся на фигурах первого ряда и основных исторических событиях.

Представители истории понятий (и одновременно редакторы немецкого «Словаря основных исторических понятий»¹⁶) подчеркивали, что под основными историческими понятиями (*geschichtliche Grundbegriffe*) они подразумевали «не термины исторических наук, которые описываются в специальных справочниках и пособиях по методологии, а понятия, имевшие важнейшее значение в ходе исторического процесса, который составляет предмет исследования историков»¹⁷. Такие понятия будто бы схватывают суть ключевых социальных явлений — реальных или предполагаемых: «Каждое понятие, с одной стороны, обобщает некоторый опыт, описывает наличное бытие, а с другой — предполагает некоторую нормативность, своего рода проект будущего»¹⁸. В этом *понятии* можно выделить два ключевых момента — «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*) и «горизонт ожидания» (*Erwartungshorizont*), соотношение которых может меняться, что и произошло в Новое время: прежде превалировала «область опыта», теперь горизонт ожиданий существенно опережает опыт.

Ключевое внимание Райнхарт Козеллек (1923–2006) и другие редакторы Словаря уделили так называемому «переломному времени» (*die Sattelzeit*, 1750–1850), когда под влиянием Просвещения стремительно разрушалось сословное общество и ускорялись многие общественные процессы. Именно в этот период появляется немецкое понятие государства (*der Staat*), в определенной степени бывшее не только данностью, но и проектом.

Основными признаками социальных понятий этого периода Козеллек считал темпорализацию, демократизацию, идеологизацию и политизацию. Под демократизацией понималось широкое распространение понятий, ранее используемых только определенными, образованными социальными группами («честь», «достоинство»). Темпорализацией обозначались устремленность понятий в будущее («прогресс», «развитие», а также различные «измы»: «коммунизм», «патриотизм»...) и их потенциальная реактуализация в различные эпохи. Под идеологизацией¹⁹ понималось возрастание абстрактности слова (вместо сословных «свобод» — «свобода» вообще). Политизация связывалась с использованием понятий людьми с противоположными интересами: в рамках политической борьбы меняется смысл этих понятий, появляются слова-лозунги²⁰.

Козеллек подчеркивал, что в основу отбора «легли четыре категории понятий: 1) базовые, связанные с универсальными структурами и со-

¹⁶ Всего вышло восемь томов, «общим объемом около 9 000 страниц, которые включали 122 статьи и подробный указатель» (Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 7). Словарь издавался с 1972 по 2004 г.

¹⁷ Козеллек Р. Введение. С. 24.

¹⁸ Копосов Н. Е. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁹ Критика подходов истории понятий показывает границы применимости ее подходов, она полезна прежде всего при разоблачении идеологий: «История понятий, как мне хотелось бы сказать вслед за Хансом Ульрихом Гумбрехтом, уже утратила сегодня свою великую убедительную силу, которую она имела в специфической ситуации Западной Германии послевоенного времени. Лишь тот исторический контекст позволил методу стать дисциплиной. Дополнительное значение, которое было в ней тогда заключено, — ее обещание сберечь нас (посредством критической историзации идеологизированных понятий) от того, чтобы светская утопия еще раз захватила власть над людьми в Европе, — заставило многих историков поверить, что имеет смысл из бесчисленных маленьких камушков строить монументальные «пирамиды духа». Сегодня вызывают страх уже не идеологии, а религии, которые, как известно, ссылаются на Бога, а не на историю. Несомненно, история понятий может выявить определенные аспекты. Эта способность у нее общая со всеми другими оптиками, при помощи которых историки, как они полагают, могут истолковывать прошлое. Однако те свободы, к которым она нас приводит, сегодня нас уже не удовлетворяют» (Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. С. 97).

²⁰ Козеллек Р. Введение. С. 11.

бытийными комплексами (например, “народ”, “нация”); 2) ключевые, необходимые для описания политической и социальной организации (например, “гражданин”); 3) упорядочивающие и классифицирующие (например, “сословие”); 4) важнейшие понятия политических движений и слова-лозунги (например, “коммунизм”)²¹.

Одним из таких важных понятий становится «государство», которое мы более подробно рассмотрим в рамках conceptual history и немецкой истории понятий.

Понятие государства

Постмарксистская типология государств построена на их делении на «рабовладельческое — феодальное — капиталистическое» с устранением социалистического государства и негосударственной стадии коммунизма. Conceptual history влияет на критическое переосмысление этой стадильности. Квентин Скиннер пытается увидеть основу «государства» не в Древнем Египте или Междуречье, а в Западной Европе XVI–XVII вв.

В статье «Государство» (The State, 1989), опубликованной в сборнике под редакцией авторов, представляющих направление critical conceptual history, Скиннер связал возникновение «государства» в европейском политико-правовом дискурсе с мыслителями раннего Нового времени, особо подчеркнув значение Томаса Гоббса в этой политической инновации²².

Исследователи подчеркивают, что Скиннер чуть раньше «пытался предложить образец (своего) подхода в изданной в 1978 г. двухтом-

ной работе “Истоки современной политической мысли”, посвященной эпохам Ренессанса и Реформации. В этом труде он описывает процесс постепенного отождествления государства с искусственной личностью, стоящей над неуправляемыми элементами политического сообщества, что создавали возможность для разрешения повсеместного религиозного конфликта»²³.

Хотя слово *lo stato* использовал Никколо Макиавелли в трактате «Государь» (1513), именно Гоббс, по мнению Скиннера, стал тем, кто назвал словом *state* ту самую искусственную политическую личность, что отлична как от подданных (отпечаток монархической традиции), так и от правящих (влияние республиканских идей).

По Скиннеру, предложенное Макиавелли итальянское понятие *lo stato*, характеризовавшее какое-либо «правление», происходило от римского *status*, обозначавшего не только статус самоуправляемых сообществ, состояние народа, *status rei publicae*, но и *status regis* — статус правящего, короля, монарха²⁴. Однако, введя *lo stato* в широкий политический лексикон, Макиавелли не сформулировал понятия государства. Русскоязычная версия перевода названия его трактата «Государь» более чем условна. На итальянском это звучало как *Il principe* («принц», «принцепс»). В русской традиции последние два слова чаще используются в другом значении («наследник престола», «первый в сенате»), поэтому название трактата переводили как «Князь» или «Государь». Полноценного «государства» здесь еще не было: *lo stato* у Макиавелли обозначало правление, престол, область властвования²⁵.

²¹ Козеллек Р. Введение. С. 8.

Автор подчеркивал: «В действительности можно утверждать, что все современные “-измы” образованы напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего). Эти самые “-измы” являются индикаторами истории понятий. Медленное и постепенное исчезновение сословных структур общества в Европе сопровождалось появлением множества подобных понятий: “патриотизм”, “республиканизм”, “демократизм”, “либерализм”... <...> Эти понятия появились прежде, чем соответствующие им реалии. Так, например, термин либерализм был создан около 1810 года; социализм в его современном понимании, — само слово было значительно старше, — утвердился в 20–30-е годы XIX века. То же самое можно сказать и о коммунизме» (Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 26).

²² Skinner Q. The State // Political Innovation and Conceptual Change / ed. by T. Ball, J. Farr and R. L. Hanson. Cambridge, 1989. P. 90–131.

²³ Уотмор Р. Указ. соч. С. 94.

²⁴ Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках. С. 14.

²⁵ Скиннер Кв. Указ. соч. С. 23.

По мнению Олега Хархордина, основанному на высказывании Джона Хекстера, *lo stato* у Макиавелли — еще не субъект, а скорее объект власти²⁶. Его приобретают, удерживают, теряют: *mantenero lo stato* означает «сохранять правление».

Государство, по Скиннеру, появляется благодаря изобретению Томаса Гоббса, которому после английской революции XVII в. было важно обосновать абсолютную власть правителя, имеющего не божественное, а народное происхождение. Государство постепенно становится безличным аппаратом, отличным от личности правящего, что ближе к республиканской традиции, но при этом не совпадающим с самим народом, что говорит о влиянии монархистских идей. Нововременное понятие государства (*state*) будто бы становится следствием, побочным эффектом политической инновации — народного обоснования абсолютной власти. При этом *state* у Гоббса еще не полностью отделяется от *commonwealth* (английской кальки *res publica*, «общего дела» или «общей вещи»). В подзаголовке «Левиафана...» упоминается именно *commonwealth*, на русский язык переводимое как государство. Кроме того, английское *state* сохраняет не государственные, но политические значения состояния: например, *state of nature* («естественное состояние»).

Дискуссия о возникновении понятия государства в немецкой традиции испытала влияние Карла Шмитта²⁷, для которого государство не абстрактное социальное понятие, пригодное для описания политических сообществ Шумера, Древней Греции или Германии, а конкретный социальный порядок, связанный с определенной эпохой и конкретным пространством — прежде всего европейским. «Государ-

ство» возникло лишь в раннее Новое время, его образцом (королевского государства, а затем государства-нации) долгое время была Франция. Уже позже юриспруденция и политическая теория придали понятию государства обратную силу и распространили его на всю мировую историю²⁸.

Замечания Шмитта, с которым Козеллек был знаком, вдохновили классиков истории понятий в их исследованиях феномена государства: немецкая история понятий в определенном смысле началась с рассмотрения понятия государства. Различные статьи «Словаря основных исторических понятий» отсылают к проблематике понятия государства. В некоторых из них («Политика», «Гражданское общество») подчеркивается, что «гражданское общество» становится «неполитическим» и «невоенным» примерно в середине XVIII в. До этого периода гражданское общество могло обозначать как политическое общество («государство»), так и множество людей, объединенных в единое целое посредством общественного договора (тем самым отождествляясь с государством)²⁹.

Автор статьи о гражданском обществе Манфред Ридель считает, что немецкое понятие «государство» — неологизм XVIII в.³⁰, что в целом созвучно общему тезису истории понятий. В отличие от Франции или Англии, политические понятия кристаллизовались в Германии значительно позже, переломное время для этой культуры — вторая половина XVIII в. Козеллек объясняет это тем, что различные социально-языковые контексты создают различия и во времени появления самих понятий, привязанных к языку³¹. Так, «термины “история” (*Geschichte*) и “государство” (*Staat*) имели в Германии долгую историю постепенного раз-

²⁶ Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 11.

²⁷ Р. Козеллек был знаком с К. Шмиттом и воспринял его идеи (см.: Горобий А. В. История понятий Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2013. Вып. 4. С. 159–170). Р. Уотмор подчеркивает, что «представление Козеллека о политике как о перманентной войне свидетельствует о несомненном влиянии на него Карла Шмитта, хотя он и не разделял стремления последнего к прояснению понятий с целью подтверждения приверженности господствующей идеологии» (Уотмор Р. Указ. соч. С. 54–55).

²⁸ Шмитт К. Государство как историческое понятие, связанное с конкретной эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 205–215.

Статья, опубликованная в 1958 г., изначально представляла собой доклад, прочитанный в 1941 г.

²⁹ Ридель М. Общество, гражданское (*Gesellschaft, bürgerliche*) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 131–135.

³⁰ Ридель М. Указ. соч. С. 171.

³¹ «...Семантика не является всеобщей категорией, а самым тесным образом связана с каждым конкретным языком в отдельности. <...> В настоящий момент мы исследуем в Билефельде сравнительную исто-

вития, за которой последовала быстрая и неожиданная перемена их значения. Сегодняшнее свое значение они получили в Германии в короткий временной промежуток между 1770 и 1800 годами. Интересен пример Франции, где, в противоположность Германии, слово “государство” существовало в своем современном понимании уже в XVII веке»³².

Во введении к словарной статье «Государство и суверенитет» (Staat und Souveränität) Козеллек подчеркивает, что уже в «XIII в. “Status” как “состояние, порядок, положение, ситуация” было офранцузено до “Estat”. Уже в XII в. во французском языке появляются слова “souverain” и “sovrainetez”, образованные от “superanus”»³³. Германизация же римского status произошла только в XV в., заимствование «суверенитета» из французского языка — в XVII в. Причем «Империя [Reich] так и не стала государством во французском понимании этого понятия. Этому соответствует и немецкоязычная история понятия “Staat”. Вплоть до XVIII в. наиболее распространенные коннотации относились к сословиям, обозначая “статус”, “состояние”, “образ жизни”, “достоинство”, “расходы”, “пышность” и “великолепие”, “положение”, “славу” — и всё чаще “правление”, осуществляемое дворянством, особенно князьями в “княжеском государстве”»³⁴.

Таким образом, понятие суверенного государства возникло в Германии в XIX в., на два века позже, чем во Франции. Причем почти сразу это повлекло за собой формирование понятийного аппарата немецкой теории государства, в значительной степени повлиявшее на идейный сдвиг в государственном праве континентальной Европы: «Из государства разума концептуально выводятся: “правовое государство”, “культурное государство”, “священное государство”, реже “христианское государство” или “сословное государство”, “конституционное государство”, “государство власти”, “нацио-

нальное государство”, “народное государство”, “социальное государство”, наконец, “тотальное государство” и государство, которое упраздняет само себя, — прообразы, в той или иной степени ставшие реальностью»³⁵.

Логика, используемая теоретиками немецкой истории понятий, намекает на то, что реальность текстуальных понятий может вызвать к жизни социальные явления; в этом немецкая традиция созвучна англоязычной. Предложенное Макиавелли *lo stato* не предзадало, но способствовало появлению феномена современного государства. Для полноценного рождения государства три знаменитые грани (слово — понятие — социальное явление) должны образовать нечто единое. Социальные понятия не могут быть полноценны вне общественных явлений, если явление как таковое не кристаллизовалось, не возникло из точного определения «государства». Без Вестфальского мира 1648 г., победы суверенных королевств над империей и католическим духовенством государство бы не стало всеобщим политическим понятием. Однако без слова «государство» социального явления, обозначаемого им, также нет. Ни римская республика, ни римская империя, ни средневековые политические образования, по мнению представителей этой традиции, государствами в строгом смысле не являлись.

История понятий и conceptual history считают государством как таковым только то, что возникает в Новое время. Этот тезис историчностью своего подхода предвосхитил Карл Маркс: «Абстракция государства как такового характерна лишь для Нового времени, так как только для Нового времени характерна абстракция частной жизни. <...> В Средние века политический строй есть строй частной собственности, но лишь потому, что строй частной собственности является политическим строем. В Средние века народная жизнь и государственная жизнь тождественны»³⁶.

рию понятий “citizens”, “citoyens” и “Bürger”. Я не хотел бы сейчас углубляться в детали результатов этого проекта, но они недвусмысленно показали, что дебаты XIX века о гражданстве (citizenship) были семантически заданы в Великобритании, Франции и Германии различным образом» (Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии. С. 28).

³² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии. С. 31.

³³ Staat und Souveränität / Boldt H, Conze W, Haverkate G, Klippel D, Koselleck R. // Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6 / Red.: R. Koselleck. Stuttgart, 1990. S. 1.

³⁴ Staat und Souveränität. S. 1.

³⁵ Staat und Souveränität. S. 3.

³⁶ Цит. по: Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2019. С. 91–92.

Рассматривая проблематику смежных с государством понятий, классики истории понятий ссылались на немецких романистов Рудольфа Штарка и Ханса Дрекслера³⁷. Для Штарка римская *res publica* — это не государство: «...у римлян было слово *res publica*, которое часто переводят как “государство”, однако уже фон Виламовиц предупреждал: “Такая холодная абстракция, как государство, слабо соотносится с реальной жизнью; у римлян не было соответствующего термина, а мы пользуемся латинским словом, лишенным его первоначального смысла”. И действительно, изначально *res publica*, “общественное дело”, не могло быть термином для обозначения государственного сообщества <...> [*Res Publica*] никогда не воспринимали как действующее лицо, как носителя государственно-правовых функций; например, *res publica p. R. Qu.* никогда не заключает договоров, а всегда только *senatus populusque Romanus...*»³⁸.

Современный историк римского публичного права Л. Л. Кофанов придерживается иного мнения: «Следует, однако, возразить тем авторам, которые полагают, что римская *res publica* — это принципиально иное понятие, нежели современное понятие “государство”, определяемое как “абстрактная сущность, наделенная некоей собственной юридической субъектностью, отличной от граждан, которые ее составляют”»³⁹. В подтверждение своих слов он приводит ряд словосочетаний (*administratio rei publicae*, *debitor rei publicae*, *agros rei publicae*, etc.) и ссылается на Цицерона, однако аргументация сводится к утверждениям об общенародном характере государства («государство — это достояние народа»), что бьет мимо тезиса о государстве как отдельной юридической личности, отличной от коллективного народного целого.

Важным вкладом истории понятий в теорию государства становится исследование появления таких важных современных политико-правовых конструкций, как правовое и социальное государство (*Rechtsstaat*, *Sozialstaat*), появившихся в Германии в XIX в. Эквивалентов этим понятиям в англо-американской традиции не

было, аналогичные или сходные понятия (*Rule of Law*, *Welfare State*) формировались в иной философско-языковой ситуации.

Манфред Ридель обнажает истоки идеи социального государства, которое в немецком идейном контексте представляет собой преодоление левыми гегельянцами и Лоренцом фон Штейном экономико-эгоистического характера гражданского общества у Гегеля: «Вместо того, что искал Гегель (и не нашел молодой Маркс), а именно возведения гражданского общества в ранг “политического государства”, необходим между государством и обществом (который тогдашним политикам еще нигде не удалось реализовать). Тот “общественный строй взаимного интереса”, который, как считал Штейн накануне революции 1848 г., восходит на горизонте современности как надежда и выход из социального кризиса, нуждался не в “политическом”, а в “социальном” государстве — “социальной демократии”»⁴⁰.

Линия социального государства в Германии постоянно пересекалась с траекторией правового государства. Манфред Ридель подчеркивает, что если «Рудольф фон Гнейст надеялся преодолеть социальный кризис эпохи с помощью “правового государства”, которое вместо дуализма государства и общества имело бы своим содержанием “взаимоотношения” между ними, то в вильгельмовскую эпоху наблюдается всё большее расхождение терминологических концепций обеих партий, что соответствовало социальной реальности гражданского общества как классовой формации. Соединение концепций “правового государства” и “социального государства”, которое в 1860-х гг. еще казалось возможным и отвечало бы логике исторической эмансипации современных буржуазии и рабочего класса, не состоялось. Государство гражданского общества стало — как правильно отмечали теоретики германской социал-демократии и Ленин — “буржуазным государством” (*bürgerliche Staat*), которое только после потрясений двух мировых войн и последовавших за ними социальных революций вновь вступило в процесс европейского социально-освободительного движения»⁴¹.

³⁷ См. об этом: Хархордин О. В. Предисловие // *Res Publica: история понятия*. СПб., 2009. С. 6.

³⁸ Штарк Р. *Res Publica* // *Res Publica: история понятия*. СПб., 2009. С. 7, 46–47.

³⁹ Кофанов Л. Л. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М., 2020. С. 164–165.

⁴⁰ Ридель М. Указ. соч. С. 198.

⁴¹ Ридель М. Указ. соч. С. 217.

Разумеется, история политико-правовых понятий существовала не в безвоздушном пространстве. Большую понятийную работу в этой области проделала немецкая юридическая наука, в том числе в сфере публичного права. Современный юрист и историк права Михаэль Штолляйс со ссылкой на Р. Вольфа подчеркивает, что формула «социальное правовое государство» впервые была использована в работе Р. Пилоти и Ф. Шнайдера об административном праве Баварии и всей Германии, датированной 1921 г.⁴² Тем не менее Ридель подчеркивает идейную пропасть между двумя понятиями, которую нельзя снять словосочетанием «социальное и правовое». При этом общие выводы, касающиеся государственного суверенитета как компромиссного понятия XIX в. (между суверенитетом правителя и народным суверенитетом) и постепенного расхождения понятий «суверенитет» и «государство», в традициях истории понятий и истории публичного права совпадают.

Таким образом, ключевой вклад представителей истории понятий и *conceptual history* — в новом восприятии государства как идеи и социального института, возникших в Новое время. Английское *State* и французское *État* возводят к XVII в., немецкое *der Staat* — ко второй половине XVIII в. Ключевая работа Квентина Скиннера о понятии государства и словарная статья Козеллека и его коллег, посвященная сходной теме, написаны примерно в то же время — на рубеже 1980–1990 гг. В них содержатся созвучные тезисы, причастные к разным языковым контекстам. Государство перестают искать в Междуречье и Древней Греции, государство — европейский феномен Нового времени.

При этом в европейских языках процессы шли асинхронно. Немецкоязычный контекст

развития понятия государства Козеллек сравнивает с узким местом песочных часов: германское понятие государства формируется на два века позднее, чем во Франции, однако оно сразу становится политическим и подчиняет себе остальные значения слова⁴³, создавая теоретическую базу для развития государствоведения и публичного права, в то время как французское *état* и английское *state* еще долго относятся к негосударственным политическим и даже неполитическим явлениям.

«Государство» в русской истории

Проблематике появления «государства» в русской истории посвящены работы петербургского историка М. М. Крома. Автор выступает последователем подхода Козеллека и его единомышленников, которых он именует «билефельдской школой истории понятий»⁴⁴.

Основываясь на подобном подходе, Кром отвергает этимологические спекуляции Ричарда Пайпса, полагавшего, что сущность и происхождение «государства» в России неразрывно связаны с «государем» (*dominus*). По мнению Пайпса, западноевропейские понятия государства происходят от римского *status*, положения общества, а вовсе не личности правителя, русское же понятие вырастает из княжеской вотчины, власти-собственности правителя⁴⁵.

Кром опровергает тезисы Пайпса, опираясь на общий подход Людвиг Витгенштейна и кембриджской школы. Значение понятия определяется практиками его использования, а не первичным родством корней слов: «Словам свойственно с течением времени менять свое значение. Как убедительно показал Кв. Скиннер, “state” и другие производные от техниче-

⁴² Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М., 2017. С. 195.

⁴³ Staat und Souveränität. S. 2–3.

⁴⁴ «Мысль Козеллека о понятии как одновременно индикаторе и факторе происходящих в обществе перемен хорошо иллюстрирует история понятия “государство”» (Кром М. М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 119).

⁴⁵ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятие и политические идеи в России XVI–XX веков. Вып. 5. СПб., 2006. С. 55–56.

Популяризатором мнения Пайпса в российской теории государства стал В. А. Четвернин: «Следовательно, юридическое понятие государства должно строиться на различении государственности как феномена правовой культуры (феномен типа *res publica* или *state*) и как феномена потестарной культуры (государство в буквальном смысле, “государь-ство”). В принципе такое различие вполне уместно, но по форме оно невыразимо на русском языке. Поскольку в российской культуре так и не сложился

ского термина римского права “status” долгое время сохраняли смысловой оттенок личной власти короля, и отнюдь не сразу за ними закрепилось современное значение государственного аппарата, системы управления. Поэтому этимология может самое большее указать начальную точку эволюции понятия, но она никак не может заменить кропотливую работу по выявлению разных случаев словоупотребления...»⁴⁶. В противном случае, по Крому, может возникнуть эффект ложного сходства: несмотря на то, что русского и литовского правителей называли «господарями» («государями»), второго вовсе не именовали самодержцем, и его власть, полномочия были иными.

Следуя за Козеллеком, Кром опирается на Макса Вебера и его идею различения бюрократического аппарата государства и личности правящих, свойственного периоду рационально-легальной легитимности, «безлично ориентированного бюрократического господства». Такого господства в древнерусский период еще не было, кристаллизация «государства» началась лишь в конце XV в.

Кром подчеркивает, что «государство» в письме Ивана III 1478 г. побежденным новгородцам обозначало его свойство быть «государем»⁴⁷, «государство» — атрибут власти великого князя, в том числе над Новгородской землей⁴⁸. Иван III называет себя «государем», объявляя, что отныне посаднику, вечу и колоко-

лу в Новгороде «не быти»⁴⁹. «Государь» выступает тем самым как публично-правовой субъект, ранее же это слово обозначало хозяина земли, на которой трудились зависимые крестьяне, то есть, выражаясь современным языком, он был субъектом частного права.

В середине XVI в. «государство», по Крому, уже могло обозначать правление, «государствование», престол, власть государя над подданными, территорию, подвластную государю⁵⁰, но, вопреки мнению Пайпса, совсем не вотчину: «Царь-собственник, царь-вотчинник — такой образ совершенно чужд русскому политическому дискурсу XVI в.»⁵¹.

В законодательном памятнике, по мнению М. М. Крома, государство впервые появляется в 1550 г. «Здесь государство» упоминается в Судебнике Ивана IV, «причем сразу — в обобщающем смысле всей страны»⁵². Смутное время и отсутствие легитимного правителя способствовали постепенному растождествлению государя и государства: «за период с конца XV по начало XVII в. понятие государства в России пережило значительную эволюцию: от полного отождествления его с личностью государя до осознания множеством провинциальных дворян и горожан своей политической общности через причастность к некоему целому, называемому “Московским государством” или “царством”»⁵³.

Подобный процесс, по Крому, аналогичен эволюции, произошедшей в Европе: Франция

феномен типа *res publica* или *state* и для обозначения публично-властных институтов, мы пользуемся терминами “государство” и “государственность”, то невозможно, например, перевести на русский язык с английского рассуждение о том, что в России до Петра I вообще не было *state*, да и после него *state* здесь плохо приживается; в переводе получается, что в России нет государства (?!). Еще меньше понятно русскому читателю следующее утверждение: “Государство (*state*) есть определенный тип правления, при котором суверенитет ограничен конституцией, писаной или неписаной”. С таким же успехом можно утверждать, что понятие “королевство” предполагает конституционную монархию. Таким образом, чтобы дать на русском языке, скажем, “*der juristische Staatsbegriff*” в его либертарианской версии, нужно либо вводить понятие “стейт”, либо, говоря о “юридическом понятии государства”, объяснять, что мы имеем в виду совсем не то, что означает русское слово “государство”, а то, что обозначается терминами *stato*, *state*, *Staat*, *Etat*, etc.» (Четвернин В. А., Яковлев В. А. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 234–235).

⁴⁶ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 56.

⁴⁷ О различии понятий «государь» и «господарь» см.: Хархордин О. А. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. С. 168–169.

⁴⁸ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 58.

⁴⁹ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 58.

⁵⁰ О. А. Хархордин указывает, что «один западнорусский... источник из Вильно в 1494 г. содержит выражение “a hranica naszemu hosudarstwu”» (Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 173).

⁵¹ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 62.

⁵² Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 63.

⁵³ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 63–64.

рубежа XIII–XIV вв. и Московское княжество на стыке XV–XVI вв. находились на начальной стадии становления государства Нового времени⁵⁴. Параллелизм усматривается и в области роста объема документации, причем с заметным запаздыванием. Так, правление французского короля Роберта Благочестивого (996–1031) оставило после себя 108 актов или их упоминаний. Филипп Август (1180–1204), при котором и начался активный рост документации, — около 2,5 тыс. актов. Филипп Красивый (1285–1315) — уже 50 тыс. актов. В Московском княжестве в XV в. было около 2 тыс. актов. Больше всего — при Иване III, при котором число актов сопоставимо с количеством документов при Филиппе Августе. Объем делопроизводства тесно связан с численностью правительственной бюрократии. При французском короле Франциске I (1515–1547) королевских чиновников было около 4 тыс., в 1573 г. — уже 20 тыс. При его современнике Василии III (1505–1543) в Московской Руси был лишь 121 дьяк⁵⁵.

В отличие от Крома, политический мыслитель Олег Хархордин заявляет о зеркальности, а не тождественности процессов в Западной Европе и России: «В русском языке, как кажется на первый взгляд, аналогичный результат был достигнут, но как бы в форме зеркального отражения: мысль о различии между персонай правителя и государством насаждалась абсолютистскими мыслителями (и часто — самими монархами), тогда как субъект действия под названием государство был концептуально противопоставлен подданным прежде

всего в зарождающейся республиканской традиции»⁵⁶.

Хархордин считает, что государство стало «обозначать аппарат управления, независимый как от правителя, так и от управляемых», в России только в первой половине XVIII в. благодаря появлению идеи «общего блага», когда появилась триада «правитель — государство — подданные»⁵⁷. При этом «только большевики после 1917 г. превратили “государство” в часть повседневной жизни каждого гражданина России и сделали нововременное значение этого слова очевидным для всех. То, что Скиннер называет дважды абстрактным характером современного государства, было достигнуто, когда государство как автономная машина власти начало вторгаться в жизнь большинства советских людей — и стало казаться для многих реальностью, отличающейся как от личностей его руководителей, так и от людей»⁵⁸.

Таким образом, сторонники применения истории понятий к российскому контексту приходят к выводу, что процесс формирования государства в России в целом сходен с процессами в Западной Европе с разницей во времени примерно в два столетия⁵⁹. «Государство» не обладает в России уникальной сущностью — тем самым российские сторонники истории понятий опровергают, с одной стороны, радикальные мнения Ричарда Пайпса и иных авторов, решительно отличавших российское «государство» от State, État и др., с другой — суждения русских евразийцев, полагавших, что российско-евразийская государственность в корне отлична от

⁵⁴ Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе: сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 33.

⁵⁵ Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе. С. 30.

⁵⁶ Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 190.

⁵⁷ Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 174.

⁵⁸ Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 189.

⁵⁹ Сторонники более тонкого нюансирования подчеркивают различия в социально-языковых контекстах каждой из культур: «Если сравнить... семантические изменения в Российской империи со сходными процессами в Западной Европе, то бросается в глаза тот факт, что переломное время (*Sattelzeit*), по меньшей мере в отношении понятийного поля *цивилизации*, приходится тут на период куда более ранний, нежели выделенные Козеллеком 1750–1850-е годы. В России, как и во Франции и Голландии, эти ключевые семантические изменения произошли на пятьдесят лет раньше, чем в Германии. Это наблюдение обнажает проблематичность всякой попытки сравнительной европейской истории понятий в жестких границах определенного временного отрезка. Поэтому для подобного анализа необходимо выделять хронологический отрезок так называемого переходного переломного времени на материале каждого конкретного региона» (Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. С. 70).

западноевропейских явлений и не может быть описана в терминах какой-либо иной, не российской политической традиции⁶⁰.

Российская версия истории понятий предполагает, что государство в русской традиции возникает только в Новое время, что, конечно, расходится с более традиционными взглядами. Советско-российский историк С. О. Шмидт, на работы которого неоднократно ссылался М. М. Кром, считал, что Московское княжество было государством с момента своего основания⁶¹. Словосочетание «Московское государство» получает распространение при Борисе Годунове, но встречается уже при Иване Грозном, который пишет, что во время опричнины «оставил свое государство»⁶²: «государством московским» именовали земщину⁶³. Позднее «Московское государство», по Шмидту, могло обозначать не только всю территорию государства, но и его сугубо «московские» территории, «московскую землю»⁶⁴. В источниках отсутствовала, как подчеркивает Шмидт, терминологическая дисциплина, появившаяся только с появлением словарей⁶⁵.

Дореволюционный юрист Н. Н. Дебольский находил основание «государства» не в Московской Руси, а в северо-западных княжествах: «... ни государство, ни учреждения не фигурируют в качестве контрагентов. Так было в Москве. Но мы видели ранее, что в Великом Новгороде есть некоторое основание говорить о существовании идеи государства независимо от представителя власти. То же было и во Пскове. В этих двух городах, где коллективный строй правления при громадном значении веча и частой смене князей не позволял олицетворить государство в князе, мы встречаем государство как собирательное целое не только в сфере полити-

ческих сношений и мероприятий, но и в сфере гражданского оборота»⁶⁶.

Современный исследователь Северо-Западной Руси П. В. Лукин при описании новгородского веча пользуется сходными аргументами. Автор представляет вече собранием, «в котором участвовал “политический народ” средневековой республики со своими высшими магистратами. <...> ...Вече оказывается политическим органом Новгородской республики (если угодно, институтом)»⁶⁷. В таком контексте вече становилось, по сути, государственным органом, действовавшим от лица всего Новгорода как политического целого.

Таким образом, современная российская теория государства и история права, укорененные в юридической традиции, следуют в целом за постсоветским идейным нарративом. Российские историки в целом следуют за признаками государства, выделенными Фридрихом Энгельсом, среди них — отчуждение власти от населения и территориальная организация власти⁶⁸.

Сторонники такого подхода считают, что первые (рабовладельческие) государства возникают на Древнем Востоке. Российская же государственность, с элементами рабства или же без них, возникает в Древней Руси⁶⁹. Укрепляясь и разрастаясь в рамках Московского княжества и развиваясь разнонаправленно в Северо-Западной Руси, она консолидируется в рамках объединенного Российского государства.

«Государственность» в таком контексте противостоит первобытнообщинному строю, о появлении государства сигнализирует наличие крепкой княжеской власти и коллективного собрания (веча)⁷⁰, иных властных органов. Относительно единое древнерусское государство,

⁶⁰ См. об этом: Назмутдинов Б. В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства. М., 2016.

⁶¹ Шмидт С. О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 273.

⁶² Шмидт С. О. Указ. соч. С. 274.

⁶³ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 274, 275.

⁶⁴ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 286.

⁶⁵ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 293.

⁶⁶ Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1993. С. 325.

⁶⁷ Лукин П. В. Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: материалы круглого стола. СПб., 2012. С. 57.

⁶⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 2010. С. 190–191.

⁶⁹ См. трактовку холопства как рабства: Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси. СПб., 2011.

в подобной оптике, распадается около 1132 г., на смену ему приходит «удельный период» (термин XIX в.), или «период феодальной раздробленности» (термин XX в.), выразившийся сначала в княжеско-владельческой, а затем и в военно-политической разделенности древнерусской территории, существовании целого ряда независимых княжеств»⁷¹. К началу татаро-монгольского вторжения Русь «делилась на 18 крупных государственных образований, имевших в своем составе около десятка удельных княжеств»⁷², — подчеркивает историк древнерусской государственности В. А. Кучкин.

При этом российская история понятий сходится с более традиционным видением в том, что формирование государства было тесно связано с постепенной монополизацией законодательства монархом. Единоличный правитель в XI–XV вв., помимо военных задач, традиционно исполнял судебные функции, законодательная власть русскому царю начала приписываться с XVII в.: «В московской политической мысли XVI — первой половины XVII в. практически отсутствовали представления о монархе как о творце законов — законодателе. Равным образом практически отсутствовали представления о таком инструменте правления, а также ограничителе произвола, как закон. <...> Понятие законодатель («законодавец») по преимуществу относилось к Моисею и Христу, шире — к Богу»⁷³.

Распространение через западнорусские земли европейских идей, а также раскол в церкви привели к тому, что к 1670–1680 гг. «в правящей и интеллектуальной элите постепенно распространяются представления о том, что монарх управляет государством с помощью закона»⁷⁴. «С начала большой реформы государственного

управления, подготовка к которой началась в 1715 г., Петр I все активнее и чаще выступал как законодатель, от чьего имени издавались указы, регламенты, инструкции и указы, к созданию которых он прилагал значительные усилия. <...> Укажем при этом на использование как синонима слова закон полонизма правы (от польск. prawa — «законы»), что свидетельствовало о польском и западнорусском влиянии»⁷⁵, — подчеркивает М. А. Киселев в статье из двухтомника «Понятия о России», чье название отсылает к традиции Козеллека.

В XVIII в. постепенно сформировалось «представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и оформленной. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха»⁷⁶. В этом же столетии, «вероятно в 1720-е годы, термин конституция приобретает значение «узаконение», зафиксированное впервые в Новом лексиконе 1755 года»⁷⁷.

К этому времени формируется самодержавная, не зависящая от духовенства и иных институтов, власть русского царя и связанное с ней устойчивое понятие централизованного государства. Следствием этого процесса становится появление юридизированного, постепенно эмансипируемого от религии и морали понятия права, исходящего от суверенной публичной власти, чего более ранний период еще не знал. В такой перспективе вклад истории понятий становится еще более очевидным, она помогает исследовать не только появление государства, но и особенности происхождения

⁷⁰ Историк П. П. Толочко тем не менее подчеркивает догосударственное происхождение веча (*Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв.* СПб., 2011. С. 156).

⁷¹ Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // *Отечественная история*. 2003. № 3. С. 71–80. С. 73.

⁷² Кучкин В. А. Указ. соч. С. 76.

⁷³ Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 51.

⁷⁴ Киселев М. А. Указ. соч. С. 58.

⁷⁵ Киселев М. А. Указ. соч. С. 63.

⁷⁶ Марасинова Е. Н. Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 74–75.

⁷⁷ Бадалян Д. С. Понятие конституция в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 153.

позитивистского понятия права в русской традиции — именно того права, что необходимо увязывать с централизованной властью.

Заключение

Историю понятий и *conceptual history* можно рассматривать в рамках критических концепций осмысления государства. В отличие от марксистской критики, фокусирующейся прежде всего на социальной реальности, эти традиции делают акцент на необходимости тщательного изучения понятийно-языкового контекста возникновения государства. В рамках марксистского подхода не может быть признано, что государство возникает только тогда, когда возникает одноименное понятие. Такая сконцентрированность на текстах обнажает, по Марксу, *идеологический* характер политической речи: в Древней Греции существовало государство, поскольку классы боролись друг с другом. То, что привилегированные свободные греки говорили о полисе как о самоуправляющейся общине, не затрагивало подлинно политического нерва античного общества. Основные линии политической напряженности, по Марксу, проходили не меж-

ду свободными греками, а между греческими рабовладельцами и их рабами.

История же понятий, сосредотачиваясь прежде всего на текстах, а уже потом на их социальном и перформативном значении, пытается выстроить внутреннюю, текстуально-позитивистскую критику, подвергая сомнению традицию перевода и марксистскую редукцию различных политических форм к государству. Этатизация греческого полиса и римской *res publica*, династических правлений путем корректирующего перевода демистифицируется историей понятий и *conceptual history* при аккуратной работе с политическими языками.

Таким образом, основной вклад представителей истории понятий и *conceptual history* состоит в новом восприятии государства как идеи и социального института, возникших в Новое время. Появление английского *State* и французского *État* возводят к XVII в., немецкого *der Staat* — ко второй половине XVIII в. Важным вкладом этих направлений мысли также стал поиск идейно-социальных оснований современных государственно-правовых терминов и моделей — суверенитета, гражданства, правового и социального государства, — наделяемых смыслом прежде всего в континентальной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадалян Д. А. Понятие «конституция» в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 151–174.

Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 50–70.

Горобий А. В. История понятий Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2013. Вып. 4. С. 159–170.

Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 440 с.

История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 312 с.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Московская высшая школа социальных и экономических наук ; сост.: Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.

Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 49–65.

Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии // История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей / под ред. Х. Э. Бёдекера : пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.

- Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 486 с.
- Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. С. 9–32.
- Кофанов Л. Л. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М. : Индрик, 2020. 600 с.
- Кром М. М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? / отв. ред.: Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : Роспэн, 2013. С. 94–125.
- Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков : сборник научных работ. Вып. 5. СПб., 2006. С. 54–69.
- Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе: сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 27–36.
- Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–80.
- Лукин П. В. Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог : материалы круглого стола. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 10–60.
- Марасинова Е. Н. Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 66–93.
- Павлов А. В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 261–302.
- Покок Дж. Гр. А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
- Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 55–66.
- Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках : сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. С. 12–74.
- Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 200 с.
- Хархордин О. Основные понятия российской политики. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
- Хархордин О. А. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках : сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. С. 152–217.
- Четвернин В. А., Яковлев В. А. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М. : Высшая школа экономики, 2009. С. 217–239.
- Шмидт С. О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Россия Ивана Грозного. М. : Наука, 1999. С. 255–301.
- Шмитт К. Государство как историческое понятие, связанное с конкретной эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 205–215.
- Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 663 с.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Либроком, 2010. 240 с.
- Skinner Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought // The Historical Journal. 1966. Vol. 9. № 3. P. 286–317.
- Skinner Q. The State // Political Innovation and Conceptual Change / ed. by T. Ball, J. Farr and R. L. Hanson. Cambridge, 1989. P. 90–131.
- Staat und Souveränität / Boldt H, Conze W, Haverkate G, Klippel D, Koselleck R. // Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6 / red.: R. Koselleck. Stuttgart : Klett-Cotta, 1990. S. 1–105.

REFERENCES

- Badalyan DA. The concept of the «constitution» in Russia of the 18th–19th centuries: From the resolution of the Sejm and legalization to the topping of the building and the legal order. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 151–174. (In Russ.).
- Boldt H, Conze W, Haverkate G, Klippel D, Koselleck R. Staat und Souveränität. Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6. Red.: R. Koselleck. Stuttgart: Klett-Cotta; 1990. Pp. 1–105.
- Chetvernin VA, Yakovlev VA. Institutional theory and legal libertarianism. Yearbook of Libertarian Legal Theory. Vol. 2. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2009. Pp. 217–239. (In Russ.).
- Collingwood R. The idea of the history. Autobiography. Moscow: Nauka Publ.; 1980. (In Russ.).
- Debolsky NN. Civil legal capacity under Russian law until the end of the 17th century. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha; 1903. (In Russ.).
- Engels F. The origin of the family, private property and the state: in connection with the research of Lewis G. Morgan. Moscow: Librocom Publ.; 2010. (In Russ.).
- Gorobiy AV. The history of concepts by Carl Schmitt and Reinhart Koselleck. *Vestnik TvGU*. Philosophy Series. 2013;4:159–170. (In Russ.).
- Kharkhordin OA. The basic concepts of Russian politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2011. (In Russ.).
- Kharkhordin OA. What is a «state»? The Russian term in the European context. The concept of the state in four languages. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2002. Pp. 152–217. (In Russ.).
- Kiselev MA. The truth and the law in the second half of the 17th — first quarter of the 18th century: From the monarch-judge to the monarch-legislator. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 49–65. (In Russ.).
- Kofanov LL. The system of Roman public law of the era of the Republic and the Principate. Moscow: Indrik Publ.; 2020. (In Russ.).
- Koposov NE. The history of concepts yesterday and today. Historical concepts and political ideas in Russia of the 16th–20th centuries. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2006. Pp. 9–32. (In Russ.).
- Koselleck R. Introduction. Dictionary of basic historical concepts. Selected articles: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2014. Pp. 23–44. (In Russ.).
- Koselleck R. On the question of temporal structures in historical development. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. Pp. 21–33. (In Russ.).
- Krom MM. The birth of the «state»: From the history of the Moscow political discourse of the 16th century. In: Historical concepts and political ideas in Russia of the 16th–20th centuries. Vol. 5. St. Petersburg; 2006. Pp. 54–69. (In Russ.).
- Krom MM. The birth of the Modern State in Russia and Western Europe: A comparative historical perspective. In: The works of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century. St. Petersburg: Publishing House of the Saint-Petersburg University; 2006. Pp. 27–36. (In Russ.).
- Krom MM. The use of concepts in research on the history of Pre-Petrine Russia: Changing milestones and new landmarks. In: Garreta G, Dyufu G, Pimenova L (eds). How do we write history? Moscow: Rospen Publ.; 2013. Pp. 94–125. (In Russ.).
- Kuchkin VA. Formation and development of the state territory of the Eastern Slavs in the 9th–13th centuries. *Otechestvennaya istoriya*. 2003;3:71–80. (In Russ.).
- Lukin PV. Novgorod Veche in the 13th–15th centuries. Historiographical constructions and data of Hanseatic documents. Disputes about the Novgorod Veche: Interdisciplinary dialogue. Proceedings of the round table. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2012. Pp. 10–60. (In Russ.).
- Marasinova EN. The law in Russia of the second half of the 18th century. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 66–93. (In Russ.).
- Pavlov AV. The Adventures of the Method: The Cambridge School (of Political Thought) in Contexts. *Logos*. 2018;4:261–302. (In Russ.).
- Pocock JGA. The Machiavelli moment. Florence's political thought and the Atlantic Republican tradition. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2020. (In Russ.).

- Schmidt SO. «The Moscow State»: An explanation of the name of the Russian state of the 16th-18th centuries. In: Schmidt SO. *Russia of Ivan the Terrible*. Moscow: Nauka Publ.; 2010. Pp. 255–301. (In Russ.).
- Schmitt C. The state as a concrete concept associated with a certain historical epoch. *Logos*. 2012;5(89):205–215. (In Russ.).
- Skinner Q. Collingwood's Approach to the History of Political Thought: formation, Challenge, Prospects. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004;2(66):55–66. (In Russ.).
- Skinner Q. Meaning and understanding in the history of ideas. *The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2018. Pp. 53–122. (In Russ.).
- Skinner Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought. *The Historical Journal*. 1966;9(1):286–317.
- Skinner Q. The State. In: Ball T, Farr J, Hanson RL (eds). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge; 1994. Pp. 90–131.
- Skinner Q. The State. The concept of the state in four languages. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2002. Pp. 12–74. (In Russ.).
- Stolleis M. *The History of Public Law in Germany: The Weimar Republic and National Socialism*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2017. (In Russ.).
- Teschke B. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. (In Russ.).
- The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2018. (In Russ.).
- The history of concepts, the history of discourse, the history of mentality*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. (In Russ.).
- Vulpus R. Towards the semantics of Empire in Russia of the 18th century: The conceptual field of civilization. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 50–70. (In Russ.).
- Whatmore R. *What is intellectual history?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назмутдинов Булат Венерович, кандидат юридических наук, доцент Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
д. 84, Вернадского пр., г. Москва 119606, Российская Федерация
bv.nazmutdinov@igsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bulat V. Nazmutdinov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Jurisprudence, Institute of Public Administration and Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
bv.nazmutdinov@igsu.r

*Материал поступил в редакцию 13 декабря 2023 г.
Статья получена после рецензирования 25 декабря 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.*

*Received 13.12.2023.
Revised 25.12.2023.
Accepted 12.02.2024.*